Питомец

Автор:
A. D.

Питомец

A. D.

Что такое страх? Боль? Чем отличается боль от потери друга от физической боли? Может ли забота одного причинять боль другому? Внушать ему страх? Каково это – не иметь вообще никакого шанса уйти от какой-либо боли? Лекс не думал, что может быть хуже, чем стало. Жизнь решила иначе.

Ключ медленно повернулся в замке.

– Милый, я дома!

В глаза Лексу ударил яркий свет. Он попытался спрятаться, но клетка была слишком тесной, поэтому он просто зажмурился. Это не помогло; режущее больничное сияние не могла остановить тонка полоска кожи. Он свернулся калачиком и забился в угол клетки (насколько могли габариты тюрьмы это позволить).

– Ну-ну, что же ты. Если бы кто-то хорошо себя вёл и не пытался украсть со стола мясо, то этот кто-то сейчас бы не сидел в клетке.

Хозяйка улыбнулась, хотя от этой улыбки стало только хуже. Лекс даже не знал, как её зовут. Случайно задремав на скамейке в парке, он очнулся уже в полутёмной комнатке с крошечными окнами, выходящими на мусорные баки. За всё время, пока он жил здесь, мимо окон не прошло ни души. Он пытался звать на помощь, но безрезультатно: складывалось ощущение, что дом странной женщины обходят стороной.

Крупная, дородная, она чем-то напоминала Энни Уилкс[1 - Героиня романа С. Кинга «Мизери»], но Лекс не был писателем, которого стоило держать взаперти. Он вообще никем не был – всё пытался решить, что же он хочет от жизни. Тогда, в парке, он бродил между деревьями и думал. Как раз недавно его бросила девушка, Кэтрин. Она уехала в другой город, а он – нет. Тогда он почти решился ехать за ней, но его неожиданно сморил сон. Совершенно не заботясь о том, чтобы добраться до дома, он решил присесть на пустую скамейку в парке и неожиданно вырубился.

«Похоже, она тогда вколола мне снотворное. Возле парка домов не было, одни высотки; значит, она тащила меня на себе». Лекс был пусть и не самым тяжёлым среди своих приятелей, но мелким его точно назвать было нельзя. Он был крупнее Джона, а тот уже несколько лет участвовал в уличных боях без правил. «Не понимаю, как я мог не проснуться по дороге». Лекс почти плакал. Жизнь, которую он вёл последние пару месяцев после отъезда Кэт, казалось, лишила его остатков здравого смысла. Он без конца слонялся по тем местам, где они обычно гуляли, и думал, думал, думал. Даже тот злосчастный парк был одним из их мест. В тот вечер он раздобыл мороженое – ванильное, какое обычно брала Кэт, хотя сам он был в восторге от крем-брюле, – и долго пытался понять, почему она не позвала его с собой. Тогда, помнится, он с утра вышел на пробежку. Кэт не пошла с ним, как обычно – промурчала что-то о бурной вечеринке и захлопнула за ним дверь, чмокнув в нос на прощание. Обнаружив после возвращения пустую квартиру, он долго не мог поверить в то, что случилось. Он сидел под дверью несколько часов, пока его не прогнала хозяйка, жившая этажом ниже. Соседи жалостливо поглядывали в глазки; одна хорошая женщина, миссис Олман, даже предложила ему кусок яблочного пирога.

От воспоминаний о пироге заурчало в желудке. Просидев в клетке почти четыре дня, Лекс потерял почти все силы. Женщина не оставила ему даже воды, лишь бросила ключ от клетки в бездонный разрез отвратительного синтетического платья в уродливый цветочек, упорхнула в прихожую и хлопнула дверью.

Сейчас она стояла на кухне, которую было чуть-чуть видно в приоткрытую дверь. Она разбирала покупки и что-то напевала себе под нос – негромко, но достаточно слышно, чтобы разобрать всю фальшь и перевирание каждого третьего слова «Sweet dreams». Лекс начал подпевать ей у себя в голове: сил у него не осталось даже на иронию.

– А вот и обед!

Она с грохотом распахнула дверь настежь и ввалилась в комнату. В руках у неё была глубокая тарелка, наполненная неизвестно чем: клетка была не только тесная, но и довольно низкая.

– Сегодня мой малыш получит праздничное блюдо! Лакомство, от которого он не сможет отказаться.

От блеска в её глазах у Лекса появилось дикое желание заскулить от страха. Ему на секунду даже расхотелось есть, но тарелка, пускай даже с непонятным содержимым, притягивала взгляд. Он даже вообразил, что она выпустит его из клетки, но потом вспомнил про проём в прутьях, будто специально предназначенный для тарелок, и снова подумал, что клетку она украла в каком-то старом приюте для животных. «Может, у неё и лидокаин есть? Снотворным она, по-видимому, обеспечена в избытке», – даже в этих словах Лекса сквозила уже не ирония, а пугающая надежда.

Тем временем женщина вплотную приблизилась к клетке и опустилась перед ней на колени. Она всё ещё была в этом кошмарном платье, и от неё разило потом, разлагающимися зубами и чистящим средством для унитаза. Но запах содержимого тарелки почти сразу выбился в лидеры этого зловонного соревнования.

Она всё с той же улыбкой, которая будто приклеилась к круглому, невыразительному лицу, просунула тарелку в дыру между прутьями. Должно быть, она долго выбирала: в миске (а это оказалась средних размеров железная миска, выкрашенная белой эмалью, причём, похоже, вручную) лежала куча самого дешёвого сухого собачьего корма, исторгавшая непередаваемый запах старых носков, которые на пару недель оставили в придорожном сортире. Лекс, при всём его неблизком знакомстве с собачьим кормом, даже смог определить, что он просрочен где-то на полгода.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Героиня романа С. Кинга «Мизери»

Купить: https://tellnovel.com/ru/d-_a/pitomec

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить